

напрашивается вывод: в ч. 1 ст. 1 УИК РФ необходимо включить в качестве цели исполнения наказания восстановление социальной справедливости. Поскольку если цель восстановления социальной справедливости сформулирована законодателем и отражена в Уголовном кодексе, то она не может игнорироваться в процессе исполнения и отбывания уже назначенного судом того или иного наказания.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Уголовно-исполнительное право России: Учеб. для вузов / Под ред. А.И. Зубкова. М., 2006. С. 91–93.

² См.: Ткачевский Ю.М. Восстановление социальной справедливости – цель уголовного наказания и Уголовно-испол-

нительный кодекс Российской Федерации // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1998. № 6. С. 17–25.

³ См.: Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения. Л., 1963. С. 27.

⁴ Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1996. С. 364.

⁵ См.: Российское уголовное право: Курс лекций: В 8 т. / Под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 1999. Т. II. С. 42.

⁶ См.: Павлухин А.О. О целях наказания в уголовном праве // Цели уголовного наказания. Рязань, 1990. С. 10.

⁷ Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. СПб., 1865. С. 560.

⁸ См.: Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 09.12.1948 г. // Международная защита прав и свобод человека: Сб. документов. М., 1990. С. 98–103; Конвенция о неприменении сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26.11.1968 г. // Там же. С. 658–661.

Уголовно-правовая охрана общественных отношений от экстремистских посягательств: проблемы и перспективы

■ **А.М. СЫСОЕВ** – начальник юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент

В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы уголовной ответственности за деяния экстремистской направленности. Отмечая спорность понимания законодателем ряда мотивов как экстремистских и определения некоторых деяний как проявлений криминального экстремизма, автор предлагает варианты оптимизации уголовного законодательства.

Ключевые слова: экстремизм; преступления экстремистской направленности; мотивы ненависти или вражды; публичные призывы; экстремистское сообщество; возбуждение ненависти или вражды.

Система государственного противодействия преступности включает в себя два основных способа: установление уголовно-правового запрета и предупреждение противоправного поведения. Противодействие криминальному экстремизму не является исключением, поэтому закономерно существование проблем совершенствования уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за его проявления, создания криминологически обоснованной системы правового реагирования, основанной на принципе адекватности наказания совершенному деянию.

Группа преступлений экстремистской направленности появилась в уголовном законодательстве в результате принятия Федерального закона от 25.07.2002 г. № 112-ФЗ. В ч. 1 ст. 282.1 УК РФ был приведен список уголовно наказуемых деяний, «совершенных организованной группой лиц для подготовки или совершения по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы

преступлений, предусмотренных ст. 148, ст. 149, ч. 1 и 2 ст. 213, ст. 214, 243, 244, 280 и 282 УК РФ». Статьи 282.1 и 282.2 УК РФ дополнили перечень соответствующих преступлений. Однако и при этом не были учтены некоторые нормы, в которых были закреплены мотивы, определяемые законодателем как экстремистские (в частности, п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ). С другой стороны, вызывает удивление отнесение к рассматриваемой группе норм, в которых указанные мотивы просто отсутствуют (например, ст. 213 или 214 УК РФ). В связи с этим представляется вполне закономерным стремление оптимизировать систему противодействия криминальным формам экстремизма путем внесения соответствующих законодательных инициатив.

Федеральным законом от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ было внесено следующее дополнение: «совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо со-

циальной группы». Одновременно совершение преступления по указанным мотивам стало квалифицирующим признаком в ряде норм Особенной части УК РФ (ст. 105, 111, 112, 115, 116, 117, 150, 213, 214, 244).

В результате означенных изменений законодатель был вынужден указать в примечании к ст. 282.1, что под преступлениями экстремистской направленности понимаются деяния, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной и религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части (п. «е» ч. 1 ст. 63), и это расширило список уголовно наказуемых деяний на 13 составов. При этом из диспозиции ч. 1 ст. 282.1 соответствующее четкое указание было изъято.

Примером неопределенности, возникшей в данной сфере, является Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 28.11.2007 г. № 190, в котором к группе норм о преступлениях экстремистской направленности были отнесены также ст. 277 УК РФ «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля» и ст. 278 УК РФ «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти».

Профессор А.И. Долгова отмечает, что при выделении экстремистских преступлений на основании вышеназванного приказа учитываются:

– во-первых, при статистическом анализе – прямо предусмотренные ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» зарегистрированные деяния без признаков терроризма, включенные в 11 статей УК РФ: ст. 136, 141, 148, 149, 212, 239, 280, 282, 282.1, 282.2, 357;

– во-вторых, преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, а также иные перечисленные в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» деяния¹.

Л.В. Иногамова-Хегай, отмечая, что преступлениями экстремистской направленности являются 11 деяний, закрепленных в Особенной части УК РФ (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244), в то же время уточняет, что в данную группу может войти любое преступление, совершенное при наличииотягчающего ответственность обстоятельства, предусмотренного п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ².

Как видим, такое чрезмерно расширительное толкование не только позволяет существенно увеличить список деяний, относимых к крими-

нальному экстремизму, но и способствует их смешению с деяниями террористического характера. Несомненно, наличие строгого перечня облегчило бы как квалификацию интересующих нас деяний, так и их учет.

Для уяснения сущности криминального экстремизма необходимо более подробно рассмотреть содержание экстремистских мотивов.

Термин «политика» объясняется в словарях как «деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность общественных классов, партий и других классовых организаций, общественных группировок, определяемая их интересами и целями; вопросы и события общественной государственной жизни; образ действий, направленных на достижение чего-нибудь, определяющих отношения с людьми»³. Соответственно политическая деятельность (равно как и политическая ненависть или вражда) представлена весьма широким спектром действий.

Как отмечает П.А. Кабанов, понятие «политическая ненависть или вражда» состоит из двух взаимосвязанных и взаимозависимых, но разных по содержанию элементов (политической ненависти и политической вражды), каждый из которых нуждается в самостоятельном толковании. «Очевидно, что политическая ненависть как мотив преступлений экстремистской направленности – это внутреннее осознанное побуждение лица совершить преступление в силу неприязни к конкретным лицам или их общностям, конкурирующим в борьбе за власть, придерживающихся иных политических взглядов либо безразлично относящихся к политической жизни»⁴. Исходя из этого определения автор утверждает, что политическая ненависть – это внутреннее состояние человека, а политическая вражда – внешнее проявление или следствие этой ненависти. По мнению исследователя, политическая вражда между людьми – это закономерное следствие развития политической ненависти, приводящее к преступлениям экстремистской направленности. Однако, заметим, политическая ненависть, определяемая как внутреннее состояние человека, не может быть наказуема.

Общеизвестно, что политическая власть нуждается в идеологическом обеспечении ее функционирования. «Идеология – духовное средство борьбы за интересы, она не может быть универсальной, ведь в обществе нет групп с едиными интересами... Пропаганда связана с разъяснением основ принятой доктрины (идеология достижения цели), с критикой других доктрин и тем самым – с защитой своих позиций»⁵. В основе любой идеологии лежат взгляды, идеи, в которых четко отражаются позиция и основная цель субъекта (государства, нации, класса, социальной группы). При этом каждая идеология стремится к легитимизации – признанию своих идей законными, правильными, социально одобряе-

мыми и доминирующими.

Рассматривая выделенные законодателем мотивы, стоит отметить, что сами они не могут являться уголовно наказуемыми, так как это противоречит Конституции Российской Федерации (ст. 13), закрепляющей принцип политического и идеологического многообразия. Поэтому распространенная трактовка уголовного закона рождает вполне понятные опасения по поводу соблюдения основных демократических прав, в частности свободы слова. Ввиду этого стоит согласиться со следующим замечанием: «впервые в российское законодательство внесены недопустимые, согласно принципу ненаказуемости намерений, выражения собственных мнений, такие признаки состава преступления, как идеологические или политические мотивы»⁶.

Мы в свою очередь считаем, что одной из наиболее спорных позиций является упоминание ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Сложности, возникающие в связи с применением категорий «социальная принадлежность» и «социальная группа», в немалой степени обусловлены тем, что эти понятия в законодательстве не определены. Подразумевается, что категория социально-групповой принадлежности столь же привычна и понятна участникам правоотношений, как и категории нации, расы, религии, традиционно фигурирующие в законодательстве о противодействии экстремизму.

Слово «социальный» традиционно объясняется как «общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе»⁷, в то время как под группой подразумевается «совокупность людей, объединенных общностью интересов, профессии, деятельности и т.п.»⁸. Таким образом, социальная ненависть – чувство сильной вражды, неприятие личности в силу каких-либо ее общественных признаков, как то социальный статус, класс, профессия, уровень образования, происхождение, уровень доходов и т.д.

Профессор Э.Ф. Побегайло, анализируя мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, отмечает, что речь идет о принадлежности потерпевшего лишь к большим социальным группам, входящим в структуру современного общества. «К таким группам относят классы, этнические общности, профессиональные объединения, политические партии, различные крупные по своей численности организации. Малые же социальные группы, такие как семья, производственный коллектив, спортивная команда, компании друзей и пр., законодатель, конечно, не имел в виду»⁹.

Однако существует и прямо противоположная точка зрения. Так, Е.А. Редькина отмечает, что в самом общем плане понятие «социальная группа» можно трактовать как общность людей, объединенных между собой по какому-либо признаку¹⁰. Этой точки зрения придерживается и Н. Егорова: «в строгом смысле слова “ненависть” или “вражда” в отношении социальной группы –

это ненависть или вражда не только, допустим, к представителям бизнеса, интеллигенции, сельского населения и иных больших социальных групп, но и к отдельному трудовому коллективу, семье и даже компании приятелей»¹¹.

Но в таком случае даже самое распространенное преступление – кража, когда лицо совершает тайное хищение имущества исходя из более высокого уровня доходов потерпевшего, может считаться экстремистским. Отталкиваясь от буквального толкования закона, следует признать, что уголовной репрессии должно подвергнуться лицо, совершившее преступление в отношении представителя иной социальной группы.

Несомненно, причиной такого расширительного толкования стала узость рамок традиционных категорий групповой принадлежности (раса, нация, религия), однако в сложившейся ситуации определение экстремистского деяния по социальному признаку, равно как и соответствующий криминологический мониторинг, представляется весьма проблематичным.

Анализируя список норм, относимых законодателем к преступлениям экстремистской направленности, обратимся к ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», современная редакция которой вызывает вполне определенные вопросы.

Во-первых, эта норма противоречит одному из принципов права – *cogitationis poenam nemo patitur*¹². В данном случае наказывается именно умысел ввиду неопределенности самого понятия «экстремистская деятельность» и отсутствия такого признака, как призывы к совершению насильственных действий. Для сравнения обратимся к зарубежному законодательству, в частности уголовному законодательству США, где, несмотря на то, что в большинстве штатов при вынесении приговоров признается наличиеотягчающих обстоятельств, если преступления были мотивированы ненавистью, пропаганда таковой не подвергается уголовной репрессии, так как первая поправка к Конституции гарантирует гражданам свободное выражение своих мыслей.

Понимание экстремистской деятельности, изложенное в Федеральном законе от 27.07.2006 г. № 148-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 15 Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности”», дает возможность заключить, что законодатель так и не сформулировал определение экстремизма, не описал признаки, составляющие сущность явления, а прибегнул лишь к весьма общему перечислению ряда уголовно и административно наказуемых деяний.

Во-вторых, законодатель, признавая указанный призыв уголовно наказуемым деянием, исходя из названия ст. 280, делает упор на его неоднократности. Возникает закономерный вопрос: является ли однократный призыв преступлением?

Традиционно под публичными призывами к чему-либо понимается «открытая, доступная для понимания форма воздействия (в виде обращения) на сознание, волю и поведение широкого круга людей, при которой формируются побуждения к конкретному виду деятельности»¹³. Их следует рассматривать исключительно как развитие идей о необходимости и полезности проведения соответствующих действий. При этом высказывания, изложение своей позиции, формирование особой психологии лиц и развитие идей о терроризме, экстремизме либо осуществлении агрессии могут носить самый разный характер.

Большинство авторов характерным признаком призывов называют неоднократность или даже систематичность. Так, например, Л.В. Иногамова-Хегай отмечает: «Публичные призывы признаются оконченными с момента выполнения их не менее двух раз. Когда совершен один акт призывов, но при намерении еще хотя бы раз повторить призыв, то содеянное является покушением на это преступление. Выполнение только одного акта призыва без намерения продолжить такой акт в будущем не образует основания для привлечения лица к уголовной ответственности, так как нет всех признаков объективной стороны состава преступления»¹⁴. У нас же возникает вполне понятное сомнение в том, что единственный публичный призыв не представляет общественной опасности. Полагаем, что авторов сходных с приведенным утверждений вводит в заблуждение только название нормы. С этой позицией согласуется мнение А. Кибальника и И. Соломоненко, которые, рассматривая ст. 205.1 УК РФ и отмечая, что для наступления уголовной ответственности достаточно призыва к совершению хотя бы одного из террористических преступлений, говорят о необходимости если не изменения законодательного термина, то хотя бы официального его толкования¹⁵.

Нам видятся два выхода из сложившейся ситуации: внесение в УК РФ в виде примечания к статьям, предусматривающим публичные призывы к противоправной деятельности, разъяснения, в котором определялось бы наступление ответственности за однократный призыв, и изменение названия этих норм для исключения указания на множественный характер деяния.

Анализ ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» показывает, что действующая конструкция нормы может вызывать проблемы при квалификации деяния. Непонятно, что законодатель понимает под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека по признаку пола. Возникает закономерный вопрос: могут ли на этом основании изнасилование (ст. 131) или насильственные действия сексуального характера (ст. 132) являться деяниями, относимыми к совершенным на почве вражды или ненависти по признаку пола?

В связи со всем вышесказанным нам представляется целесообразным внесение в уголовное законодательство следующих изменений:

– исключить из п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ и следующих норм экстремистской направленности: п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ – мотивы идеологической и политической ненависти или вражды как противоречащие ч. 1, 2, 3 ст. 13 Конституции Российской Федерации;

– исключить из п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ и следующих норм экстремистской направленности: п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ – мотив ненависти или вражды в отношении представителей какой-либо социальной группы в силу его неопределенности;

– внести изменения в ч. 1 ст. 280 УК РФ, представив ее в следующей редакции:

«Статья 280. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности

Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, содержащие в себе воззвание к совершению насильственных действий по мотивам идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или иным социально-демографическим или биологическим признакам, а равно направленные против основ конституционного строя и целостности Российской Федерации».

В данном случае наказуем именно умысел, так как признак насилия (а вернее призыв к действиям подобного рода) здесь формально отсутствует, что создает угрозу правам и свободам гражданина, гарантированным Конституцией Российской Федерации.

Упоминание в данной норме идеологической ненависти, а равно вражды по социально-демографическим или биологическим признакам, с одной стороны, не обладает конкретностью ввиду отсутствия четких признаков этих явлений, а с другой – позволяет государству шире использовать аппарат принуждения;

– исключить из ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» указание на признак пола жертвы, изложив диспозицию ч. 1 в следующей редакции:

«Статья 282. Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства

1. Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, совершенные публично или с использованием средств массовой информации...»;

– переформулировать названия: ст. 205.2 дать название «Публичный призыв к осуществлению

террористической деятельности или публичное оправдание терроризма», ст. 280 – «Публичный призыв к осуществлению экстремистской деятельности», ст. 354 – «Публичный призыв к развязыванию агрессивной войны»;

– четко определить круг деяний, относимых к преступлениям экстремистской направленности, изложив приложение 2 к ст. 282.1 УК РФ в следующей редакции:

«Под преступлениями экстремистской направленности понимаются уголовно наказуемые деяния, совершенные по мотивам расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, предусмотренные п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244, а равно ст. 136, 280, 282, 282.1, 282.2, 357 настоящего Кодекса».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Долгова А.И. Экстремизм и терроризм, террористические и иные экстремистские преступления: понятие, анализ, динамика // Экстремизм и другие криминальные явления. М., 2008. С. 28.

² См.: Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий, судебная практика, статистика / Под ред. В.М. Лебедева; отв. ред. А.В. Галахов. М., 2009. С. 834.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1984. С. 478.

⁴ Кабанов П.А. Политическая ненависть или вражда как мотив преступления // Российская юстиция. 2008. № 3. С. 44.

⁵ Минюшев Ф.И. Социальная антропология. М., 2004. С. 227.

⁶ Кузнецова Н.Ф. Наука российского уголовного права и законотворчество (историко-сравнительный очерк) // Ученые-юристы МГУ о современном праве. М., 2005. С. 273.

⁷ Ожегов С.И. Словарь русского языка. С. 654.

⁸ Там же. С. 127.

⁹ Побегайло Э.Ф. Преступления против жизни и здоровья // Избр. тр. СПб., 2008. С. 659.

¹⁰ См.: Редькина Е.А. К вопросу об уголовно-правовом понятии «социальная группа» // Криминологический журнал БГУЭП. 2008. № 2. С. 38.

¹¹ Егорова Н. К вопросу о новых мотивах совершения преступлений // Уголовное право. 2008. № 1. С. 42.

¹² Никто не наказывается за один только умысел (лат.).

¹³ Цит. по: Российская криминологическая энциклопедия / Под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2000. С. 623.

¹⁴ Иногамова-Хегай Л.В. Публичные призывы в системе Особенной части УК РФ // Системность в уголовном праве. М., 2007. С. 159.

¹⁵ См.: Кибальник А., Соломоненко И. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. 2007. № 2. С. 15.

К вопросу о пределах криминализации отдельных общественно опасных посягательств на бюджетные правоотношения

Р.С. ЕФРЕМОВ – начальник финансово-экономического отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье исследуются вопросы определения общественной опасности посягательств на бюджетные правоотношения, а также основания разграничения административного правонарушения и уголовно наказуемого деяния, связанных с нецелевым использованием бюджетных средств. Сформулированы выводы о целесообразности криминализации отдельных видов нецелевого использования бюджетных средств и необходимости осуществления межотраслевой дифференциации ответственности за соответствующие общественно опасные посягательства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: общественная опасность; нецелевое расходование бюджетных средств; межотраслевая дифференциация ответственности; критерии разграничения административного проступка и преступления; правовая охрана бюджетной системы.

Необходимость теоретического осмысления оснований и пределов криминализации нецелевого использования бюджетных средств подтверждается крайне неоднозначными и противоречивыми оценками существующих уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за рассматриваемые деяния (ст. 285.1 и ч. 2 ст. 176 УК РФ), со стороны криминалистов. В частности, в уголовно-правовой

литературе высказывается мнение о том, что отклоняющееся экономическое поведение, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 176 УК РФ, должно получить не уголовно-правовую, а административно- и(или) гражданско-правовую оценку¹, то есть говорится о необходимости декриминализации нецелевого использования государственного целевого кредита. Некоторые ученые, напротив, считают установление уго-